

A close-up portrait of actor Andrey Erakov. He has a serious expression, looking slightly to the right. He has short, dark hair and a light beard. He is wearing a brown coat and a grey scarf. The background is blurred, showing what appears to be an outdoor setting with some lights.

Андрей Ераков

ТЮТЯ

Андрей Ераков

Тютя

«Автор»

2026

Ераков А. А.

Тютя / А. А. Ераков — «Автор», 2026

В повести рассказывается о жизни Павла Козелкова, родившегося во времена СССР, кое-как пережившего нелегкие перестроечные годы и так и не сумевшего найти себя в новых экономических условиях, установившихся в России в конце XX века. Основная тема повести "Тютя" - нравственный перелом в сознании граждан России, вызванный перестройкой 1991 года. На примере истории жизни главного героя показано постепенное превращение человека в подлеца под влиянием изменившихся внешних условий его существования. Резкая смена политического строя, новые принципы экономической деятельности, утрата прежних идеалов, резкая трансформация общественных моральных ценностей, - все это не могло не отразиться на личном мировоззрении Пашки Козелкова и миллионов других живших в СССР людей, подобных ему по складу характера.

© Ераков А. А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Ераков

Тютя

Тютя

Повесть и рассказы

1981-й год, июнь

Когда Пашка Козелков в первый раз увидел Риту Головкову в купальнике, он окончательно понял, что влюбился в нее. Прежде ему казалось, будто бы Ритины ноги начинаются лишь там, где кончается подол ее школьного платья. Теперь выяснилось, что это не так. И Пашка был одновременно взволнован и смущен своим открытием.

Случилось это в летнем трудовом лагере, куда их отправили после окончания седьмого класса, на берегу небольшой речонки Прель, которая крутым изгибом, словно стараясь держаться подальше от беспокойного соседства, обтекала приземистые белые спальные корпуса, выстроенные в расчете только на летнее время - в один кирпич толщиной.

Хотя лагерь и назывался лагерем труда и отдыха, отдыхать ребятам удавалось лишь по выходным. В остальные же дни к лениво встававшему над землей солнцу устремлялось не имевшее ни конца ни края совхозное поле кормовой свеклы, которую нужно было пропалывать от сорняков и прореживать.

Пашка помнил, как в самый первый день, когда они только что пришли на поле, к ним подъехала на своей "Ниве" совхозная бригадирша, удивившая всех глубоко вырезанными солнцем и ветром слишком ранними морщинами, что, в общем-то, было обычным для деревенских женщин, и неожиданно мягким, словно бы уговаривающим голосом:

- Работайте поле аккуратненько. Росточки свекольные оставляйте на сант`иметров пятнадцать-двадцать друг от дружки, - играя ударениями, наставляла она. - Как поработаете, так мы, совхоз, вашей школе денежки и перечислим. Будете себе парты новые покупать, или еще там чего...

Едва договорив, совхозное начальство тут же развернулось обратно к "Ниве", оставляя за собой рубчатые следы резиновых сапог, похожие на отпечатки гусениц трактора или танка. Через окошечки в дверцах машины виднелись стоящие пирамидкой ящики с прошлогодней картошкой, которую сейчас, пока еще не выросла новая, продавали по самой дорогой цене. И было понятно, что бригадирша торопится успеть в райцентр до открытия рынка - занять место получше.

Проводив нехорошо блестящими глазами отъехавшую "Ниву", школьники, разобрав валявшиеся на земле тяпки, медленно и уныло, будто их вызвали к доске с невыученным уроком, разбрелись по своим грядкам. Пашка встал в паре с Саней Цыганковым, который сразу же изобрел технологию, позволявшую не слишком напрягать молодые силы двух бывших семиклассников ради покупки для школы новых парт. Один из них шел впереди, срубая тяпкой все, что только сумело взойти на совхозной пашне. Второй выбирал из срубленного более-менее уцелевшие ростки свеклы и втыкал их в землю на положенном (пятнадцать-двадцать сант`иметров!) расстоянии между ними.

Конечно, иногда Козелкову приходила в голову мысль о том, удастся ли собрать с их грядок хоть какой-нибудь урожай, однако слишком долго задумываться об этом ему не хотелось. Тем более что сегодня наконец-то наступил долгожданный выходной, и Пашка с Саней готовились отдохнуть на полную катушку. В такие дни школьникам разрешали купаться, а вечером - Ура! Ура! - устраивались танцы. Пока же, перед танцами, играли в "ручеек".

Парни и девчонки, разбившись на пары, вставали в затылок друг другу, держась за поднятые над головой и разведенные в стороны руки. После этого свободный игрок, нагнувшись, проходил через живой коридор и по пути, схватив за запястье того, с кем он хотел образовать

пару, увлекал его за собой. Оставшийся в одиночестве перемещался в начало "ручейка" и, в свою очередь, искал себе нового партнера.

Козелков все время выбирал только Риту Головкову. И каждый раз навстречу его приближающейся занесенной руке радостно улыбались ее губы, светились лукавыми жаркими отблесками черные живые глаза и, словно выпелы идущих полным ходом кораблей, трепетали на ветру слегка подвитые бигудями темные волосы. Да и вообще Рита школьная, то есть Рита в коричневом форменном платье и с серьезным выражением лица, не имела ничего общего с Ритой летней, одетой в легкий сарафан, сильно открывавший ее руки и плечи с едва заметной россыпью веснушек, похожих на крохотные горошинки черного перца. Из-за этого при каждом взгляде на них воздух вокруг Пашки сразу нагревался и ему тут же вспоминались такие недоступные сейчас автоматы с газированной водой (с сиропом - 3 копейки за стакан, без сиропа - 1 копейка), встречавшиеся в их родном Деснянске почти на каждом шагу.

Неожиданно через проем в заборе, образовавшийся из-за отвалившихся подгнивших досок, блестящей ярко-красной кометой на территорию лагеря влетела "Ява", несущая на себе двух седоков. Описав ревущий мотором полукруг, она резко тормознула возле самого начала "ручейка", который от испуга мгновенно расплескался в разные стороны.

Пашка, оказавшийся поблизости от мотоцикла, ясно ощущал идущий от него горячий запах металла, бензина и налипшей на колеса свежей грязи лесных дорог. При этом он видел, что Рита тоже, как и все, с интересом рассматривает и высоко поднятый по принятой среди деснянской молодежи моде самодельный руль, и навешанные где только можно разноцветные катафоты¹, и обклеенный переводными картинками² с импортными красавицами бензобака. Козелкову вдруг стало неприятно это внимание любимой девушки к такой вещи, которая не принадлежала, да и не могла принадлежать ему. К тому же, разглядывая мотоцикл, она невольно обращала внимание на тех, кто приехал на нем.

Один из них, сидевший сзади, был одноклассник Пашки и Риты Вовка Чалов или, проще говоря, Чалый - коротко стриженный, с остро оговоренными широкими скулами и с резко выступавшими из-под коротких рукавов футболки крепкими бицепсами. За рулем "Явы" гордо восседал его приятель Васька Кнут, получивший эту кличку за неестественную, колющую глаз худобу своего длинного тела.

На него-то и обрушилась всей мощью педагогически правильно поставленного голоса директор Деснянской средней школы номер три и, одновременно, начальница лагеря Раиса Валентиновна, подкатываясь вплотную к мотоциклу разгневанным, свернувшимся клубком ежиком:

- Ты что, Василий, в милицию захотел? Смотри, она давно уже по тебе плачет!

Говоря эти слова, Раиса Валентиновна, конечно, знала, что хотя их Деснянск лишь небольшой районный центр Нечерноземной зоны РСФСР, его городской милиции, как и всей милиции Советского Союза, полагалось вести себя стойко и мужественно, а не лить слезы по любому поводу. Особенно если дело касалось Васьки Кнута, не способного самостоятельно придумать ни одной приличной хулиганской выходки. За него это с успехом делал Чалый. Однако Раиса Валентиновна хорошо помнила, с каким трудом ей удалось сплавить Ваську в ГПТУ³. Васькина мамаша, которая работала в буфете райкома КПСС, и поэтому даже с директором школы разговаривала не иначе как через презрительно сжатые губы, ни за что не соглашалась "на такой позор", и Раисе Валентиновне удалось победить ее лишь угрозой оставить сына на второй год в восьмом классе за неуспеваемость. Оттого-то негодование начальницы лагеря, вылитое ею на Кнута, было вполне искренним.

- А чего вы забор никак не поправите? Мы бы и не ездили тут, - ответил вместо своего приятеля, ленивого и на учебу, и на слова, Вовка Чалый.

- Так ты скажи отцу, пусть новых досок нам выпишет, - парировала Раиса Валентиновна, постепенно, малыми порциями, меняя гнев на милость, которая намного больше подходила к ее по-домашнему пухлой, невысокого роста фигуре.

- Я вообще-то думала, что ты, Чалов, с постели не встаешь, а ты на мотоциклах раскатываешь, - продолжала она.

- Это я проститься приехал, Раиса Валентиновна. В последний раз взглянуть в глаза ваши суровые, - легко подхватывая ее тон, отозвался Чалый. - Перед смертью.

- Иди, болтун! Типун тебе на язык, - показывая недовольно нахмуренными бровями, что хочет изобразить возмущение, улыбнулась директриса.

Вовкин отец был одной из самых важных шишек на развесистой верхушке гигантского стекольного завода, на котором работала половина Деснянска, и который, к огромному счастью Раисы Валентиновны, шефствовал над ее школой. Из-за этого ей приходилось делать вид, будто бы медицинская справка, утверждавшая, что Владимиру Чалову по состоянию здоровья противопоказан любой физический труд, не вызвала у нее ни тени сомнения. И сейчас она лишь быстро погрозила Вовке мягким, словно плюшевая игрушка, кулачком и, уже не ощетинившимся иглами ежиком, а мирным колобком откатилась от мотоцикла туда, где старшие ребята уже устанавливали прямо на траве громадные, высотой со взрослого человека звуковые колонки и тянули к ним провода.

* * *

Мягкие и торжественные, не сильно искаженные хриловатыми динамиками голоса солисток группы "АББА", хотя лето еще только началось, уже поздравляли всех с Новым годом, и Пашкино сердце леденело от горя, потому что Риту Головкову обнимал в медленном танце не он, а Вовка Чалый. При этом губы Риты, внимательно слушавшей Вовкины нашептывания ей на ухо, широко улыбались, глаза пожароопасно искрились, а волосы вились на ветру.

Козелков чувствовал себя почти так же, как в тот день, когда из роддома привезли его младшую сестренку, и он неожиданно отошел на второй план. Даже когда Пашку усадили обедать, мать не уговаривала его, как всегда было прежде, съесть и то, и это, а когда он, в знак протеста, не стал допивать компот, молча выплеснула остатки в раковину и тут же заспешила в комнату, где вдруг захныкал и завозился ребенок.

Так же, как и тогда, Козелков не только не понимал, почему и за что с ним так обошлись, но и не знал, как ему поступить. В то же время он совершенно ясно осознавал, что именно сделали бы Саня Цыганков или, скажем, сам Вовка Чалов, оказавшись на его месте. Однако он никогда бы не смог, засунув руки в карманы и широко раздвинув локти, вразвалку "подгрести" к Чалому и вызвать его "один на один", хотя для многих других парней это было не сложнее, чем поковырять в зубах после еды. Пашка наперед представлял себе, как из-за отсутствия привычки к таким делам он начнет спотыкаться языком об каждое слово, будто ногой об камень, и напрочь испортит все дело. И Козелков тут же решил, что не боится быть побитым, а боится выглядеть смешным.

Волоча за собой невидимый, поджатый по-собачьи хвост незаслуженной обиды, он побрел подальше от танцующих, туда, где за одним из девчоночьих спальных корпусов собирались посидеть на сложенных кучкой старых досках, отвалившихся от забора, любители гитарных аккордов. Уходя, Пашка уже не видел как Рита, выслушав очередное Вовкино нашептывание, утвердительно кивнула головой, сверкнув своими огненными глазами. Взявшись за руки, они медленно пошли по ведущей в лес тропинке, или, иначе, по "дорожке в загс", как называли ее в лагере.

Между прочим, подружка твоя

Рассказала мне все, не тая.

Рассказала мне все, что ты обо мне говоришь.

Только ты теперь не красней,
Для меня все равно всех милей
Только ты, только ты, только ты одна...

Козелков уже не раз слышал эту песню и знал, что ее сочинили ребята из их школьного ансамбля и, как всегда, эти немного простоватые сочетания слов на фоне ласково сплетавшихся друг с другом переборов струн вызвали в нем мягкую и легкую, будто хлопчатобумажная ткань, перемешанную с сожалением о чем-то и надеждою на что-то грусть; грусть забытого в далекой глуши лесного озера или тихого осеннего дождя, вынужденного целый день безответно стучаться в окна домов.

- Паш, а спой нам про Деснянск, - попросил Саня Цыганков, незаметно переместившийся сюда, на старые доски, вслед за другом. Про Деснянск в Пашкином исполнении нравилось очень многим, и ему тут же передали лучшую из двух ходивших по рукам гитар.

Деснянские зори алеют как пламя,
Звенят над рекою в садах соловьи.
Мы любим свой город, и он это знает.
И небо светлеет от нашей любви.

Козелков пел и вспоминал, как на весенних каникулах с ним уже было что-то похожее на первую любовь. Началась она со звонка маминой двоюродной сестры. Поболтав минут сорок обо всем и ни о чем, как умеют только женщины, тетя Марина, словно штандартенфюрер Штирлиц, приберегла самое главное на конец разговора: к ним из Москвы приезжает погостить племянница, так "...может, Паша согласится приглядеть за девочкой, показать ей город, сводить в Музей стекла"?

Едва Козелков увидел московскую гостью, свою ровесницу, одетую в небывалый для Деснянска белый (!) джинсовый костюмчик и обутую в кроссовки с адидасовским трилистником, он сразу понял - перед ним существо с другой планеты. Племянница тети Марины с ходу подтвердила свое внеземное происхождение, сообщив, что, во-первых, ее мама работает не кем-нибудь, а билетером в Большом театре; во-вторых, они с ней однажды ходили не куда-нибудь, а в ресторан "Седьмое небо" на Останкинской телебашне... Кажется, она хотела рассказать о чем-то еще, но, взглянув на Пашку, поняла, что и этого вполне достаточно.

Целую неделю, возвращаясь вечером домой, Пашка, будто советский летчик-истребитель времен Великой Отечественной войны, рисовал на воображаемом фюзеляже "звездочки" за очередные победы. Ему удалось несколько раз пройтись с москвичкой, держась за руку, четыре раза он целовал ее в щеку, и один раз - даже в губы; а потом они долго обнимались в подъезде дома тети Марины, прижимаясь друг к другу так сильно, что немели плечи. Впрочем, иногда Козелков, пожалуй, был бы рад, если бы у его столичной инопланетянки онемели не плечи, а язык.

Выходя из Музея стекла, где было собрано то, что производила половина Деснянска, - цветные витражи, мозаика из смальты⁴, - и которым гордился весь Деснянск, племянница тети Марины, не обращая внимания на идущих рядом людей, очень громко сказала:

- Ну и ничего особенного! У мамы на работе в туалетах и то красивее!

А однажды, едва только Пашка слишком разнежился в ласковом и, как ему казалось, влюбленном блеске ее продолговатых, с лисьим разрезом, серых глаз, обычно льдинисто-холодных, она вдруг спросила:

- Паш, а почему Деснянск?

- Что значит, почему? - не понял Козелков.

- Да названьице-то прямо из зубного кабинета! Вот я и думаю: почему Деснянск, а не Щеканск или Губянск?

Что мог ответить ей на это Пашка? Он знал - его город, протянувшийся вдоль берега реки Десны и названный в ее честь, намного древнее Москвы, и не раз упоминался в летописях.

Деснянск твердо держал в руках меч против монголо-татар, почитая верность Родине превыше жизни; преграждал путь идущим на столицу фашистским танковым дивизиям, провонявшим синтетическим бензином, уходил потом партизанить в окружавшие его дремучие леса, - обо всем этом Козелков уже рассказывал. И теперь ему оставалось только промолчать.

Через два дня, опять некстати расслабившись, Пашка сдуру прочитал своей подруге его первые стихи, написанные год назад:

Лес стоит стеной зеленой,
Не объять его простор.
Каждой веточкой склоненной
Слышит стройный птичий хор.
Но иное помнят ели:
Смерть, военная пора.
И сейчас след виден еле
Партизанского костра.
Пусть судьба меня забросит
Иль на север, иль на юг.
"Ты откуда?" - меня спросят.
"Сын Деснянска, леса внук!"

На это ему мгновенно было сказано:
"Правильно. Я так и думала, что ты в лесу родился!"
А еще дано обидное прозвище "Маугли"...

И снова Козелков не смог найти достойного ответа. Ему оставалось только, придя домой, разорвать все написанное им в мелкую лапшу.

Оттого-то, когда, наконец, проходящий поезд Гомель-Москва уже был готов увезти обратно в столицу слишком трудную для Пашки первую любовь, он, пожалуй, испытывал скорее облегчение, а не грусть. Московская же гостыя при расставании почему-то всплакнула, просила Козелкова писать и долго махала ему из окошка вагона. Но Пашка не стал тратить время на то, чтобы попытаться понять загадочную женскую душу, а просто решил плюнуть на нее и постараться поскорее забыть. И все-таки порой вспоминалось...

Между тем, допевая последний куплет, Козелков вдруг услышал, что ему помогает знакомый девичий голосок, терпеливо подстраиваясь под его порой неуклюжие тембровые перепады:

Наверное, скажут: "Название смешное!"
Наверное, скажут: "И мал городок..."
Но все здесь для сердца такое родное:
Обрыв над Десной и фабричный гудок.

Пашка повернулся и увидел... в общем-то, он уже знал, что увидит именно ее - Риту Головкову.

Вовка Чалый был похож на волка, чья добыча неожиданно выскочила из его лап и, влепив ему хлесткую пощечину, гордо удалилась. Поэтому Васька Кнут, сдерживая губы, чтобы не улыбнуться, молча протянул подошедшему к мотоциклу другу шлем и похлопал по сиденью позади себя:

- Запрыгивай, и покатили обратно.

- Нет, ну ты видел? - возмущение Чалого было беспредельным, словно просторы мирового океана. - Подумаешь, разок за дойки ее потрогал, а она сразу на дыбы взвилась, как бешеная!

- Да хрен с ней, садись давай.

- Нет, погоди, я еще сейчас с этой курвой разберусь...

- Ну, разбирайся, только без меня. Я домой поехал. А то мамка, небось, уже икру мечет.
- Она у тебя ее по пять кило в день мечет, и по поводу, и без.
- Не, Чалый, не хочу с ней связываться. Опять ключи от мотоцикла отберет!

Вовка понял, что на этот раз придется смириться, или идти в Деснянск пешком. И "Ява", вдоволь поревев напоследок на холостых оборотах, будто тоже была на кого-то обижена, ринулась вперед, выбрасывая из-под заднего колеса вырванные протектором травинки, перемешанные с комками земли.

* * *

- Паш, ну ты чего завелся-то? Подумаешь, потанцевала разок с Вовкой, разве нельзя?

Рита видела, что Пашка ушел из круга танцующих еще до того, как они с Чалым отправились к лесной тропинке, и поэтому ее глаза казались очень правдивыми, напоминая тем самым учебник по истории СССР, уже столько раз переписанной и вывернутой наизнанку, словно повешенное проветриться старое пальто.

Но, помирившись с Козелковым, Рита продолжала сравнивать их с Вовкой, примеряя к себе то одного, то другого, будто платье. В ее представлении Пашка был милым, тихим, слегка грустноватым, словно классические фортепианные сонаты, которые она играла на уроках в музыкальной школе. Чалый же походил скорее на резкие и агрессивные аккорды тяжелого "металла".

Рите нравилось то, что она играла. Это была ее музыка. Однако первобытная необузданность западного жесткого рока порой манила к себе своей сладкой запретностью. Тем же самым манил Риту и Чалый. И останавливала ее лишь Вовкина привычка нагло действовать руками, едва они оставались наедине, да еще его непробиваемая, беспросветная тупость. Как говорил не один раз сам Чалый, за всю жизнь ему удалось прочитать три с половиной книжки: букварь, сказки Андерсена, "Золотой ключик" Толстого и, где-то до середины, "Муму" Тургенева.

А вот для Козелкова не было секретом даже то, что, к примеру, в философии, кроме Маркса и Гегеля, существовали еще Ницше и Шопенгауэр; в живописи, кроме Васнецова и Репина - Дали и Пикассо; а в музыке, кроме Чайковского и Глинки - Сарасате и Гуно⁵. При этом он ничем не напоминал часто встречавшийся в школьных стенгазетах тип чахлого зубрилы-отличника. И, если бы Пашка обладал хоть половиной Вовкиной уверенности в себе, еще неизвестно, кто из них оказался бы сильнее.

Внешне они тоже выглядели по-разному. Вовка Чалый, с его приплюснутыми к черепу маленькими ушами, невысоким лбом, чуть прикрытым бесцветной челкой, напоминал незаконченный художником грубый, черновой набросок к портрету. Пашка же был "выписан" более тщательно, с приятными полутонами, привлекавшими к нему девчоночий интерес. Однако Чалый обычно носил привезенный его родителями из заграничных поездок джинсы и футболки, красиво облежавшие его мускулистую фигуру, а Пашке Козелкову, сыну обычных инженеров, приходилось одеваться в бесформенный магазинный ширпотреб, сшитый непонятно на кого, на каких-то несуществующих в природе людей.

Ко всему прочему, Риту уже стала утомлять Пашкина предсказуемость. Всего только одна повышенной нежности улыбка, парочка отлично сыгранн-

ых невинных взглядов, три или четыре поцелуя в тени огромной липы у забора, шепчущей что-то неразборчивое тысячами зеленых языков листвы, пять или шесть ласковых слов - и Козелков вновь от счастья на седьмом небе, а может быть, и еще выше, где-то между восьмым и девятым. Поэтому, прощаясь с ним, Головова вздохнула и легонько хлопнула его ладошкой по груди:

- Ты, Паш, хороший, добрый. Только жалко, что ты такой тютя.
- Кто? Кто? - не понял он.

- Ну, тютя, тютя-матютя, знаешь? Ни пиво, ни водка, ни колбаса, ни селедка! - загадочно засмеялась Рита и отправилась спать. Но смех этот был невеселым, глаза остывшими, а улыбка приглушенной и усталой. Даже веснушки на ее плечах как будто растворились в темноте.

Пашкино сердце хотело рвануться за нею следом: догнать, остановить, вернуть неизвестно почему ускользавшее счастье! Но Пашкина гордость заставила его остаться на месте. И вслед за этим где-то в самой глубине сознания навозным червяком шевельнулась трусливая радость: "Зато с Чалым теперь разбираться не нужно!" А тут и Саня Цыганков подскакал, будто верный богатырский конь, услышавший лихой призывной свист хозяина:

- Паш, айда скорее! Женька-Генерал послал срочно тебя найти. Злой, как я не знаю кто!

* * *

- В черной-черной комнате стоял большой черный гроб, - рассказывал Пашка особенным, "страшилочным" голосом.

Длинные одноэтажные жилые корпуса настолько промерзли за зиму, что летнее солнце долго не могло вытравить пропитавшую стены затхлую сырость. Поэтому все сидели на кроватях, завернувшись в одеяла, а Женька-Генерал - высокий, плотный, щекастый, с длинной и косой, "под Гитлера", челкой - даже в два. Второе было взято с койки Лешки Каротина, который неделю назад объелся в лесу незрелой земляникой и загремел в больницу с безудержным поносом.

- В гробу лежал черный-черный человек с бородой до пояса, и пока он лежал там, мертвый, борода все продолжала расти, и уже свешивалась за край гроба почти до самого пола...

- Эй, Сказочник, притормози, - вдруг остановил Козелкова Генерал. - Фуфлю гонишь, а?.. Ты ведь про этот гроб травил уже. Забыл? Я тебе велел, чтоб каждый день новая страшилка была, а ты мне начал лапшу вешать! В ухо захотел?

- Жень, извини, я ничего другого придумать сегодня не успел, - краем глаза Пашка видел, как Лом и Кабан, шестерки Генерала, начали освобождать руки из-под одеял.

- Так бы и говорил, - неожиданно миролюбиво зевнул Женька. - Ну и хрен тебе, а не второй компот в обед. Слышь, Лом, завтра всю Каротинскую пайку на двоих с Кабаном поделите. Мне только котлеты оставьте, если будут. Эй вы там, гасите свет!

"Подавься ты своим компотом", - подумал Пашка, предвкушая блаженство укладывания в постель.

А Рита Головкова уже давно спала. И снился ей Вовка Чалый. Он шел к ней навстречу с букетом цветов и улыбался робко и смущенно, совсем как Пашка Козелков.

1986-й год, июль

Солдаты - в путь, в путь, в путь!

А для тебя, родная,

Есть почта полевая...

Пашка шел впереди маршировавшего следом за ним взвода и, наклонив голову к правому плечу, украшенному погоном с сержантскими лычками, едва сдерживал кипятком бурлящий в груди смех, потому как его приятель, рядовой Леха Дятлов, в половину голоса подпевал любимой строевой песне командира их полка своими словами:

Солдату б вдуть, вдуть, вдуть кому-нибудь.

И он "болтом" мотая,

Спешит к тебе, родная...

- Отставить песню! - скомандовал идущий сбоку строя старшина роты - мелкого роста, кривоногий, гниловатый зубами молодой прапорщик. - На-а месте! Стой!

Привлеченные запахами еды, в солдатскую столовую ввалились неукротимыми мустангами, заглушая топотом тяжелых на подъем кирзовых сапог несущиеся им вслед матюки пока еще слабого на глотку ротного старшины.

За столами рассаживались по десять человек. За Пашкиным, кроме него самого, был еще один "черпак" Леха Дятлов, он же Дятел, с которым они вместе недавно домучили самый трудный в армии первый год. Рядом сидели трое "дедов", отслуживших уже по полтора из двух, остальные относились к "молодым".

Тщательно демонстрируя отвращение, Пашка с Лехой тут же отодвинули на их конец стола бачок со щами из разьедавшей язык словно кислота квашеной капусты, густо заправленными крупными склизкими кусками разварившегося сала. Не глядя на это, молодые, даже узбек Турсунов с дагестанцем Гаджиевым, терзаемые неразлучным с первогодками неутолим голодом, торопливо выхлебали до дна по полной миске.

Второе - перловую кашу, называемую "шрапнелью", Пашка с Лехой лишь слегка поковыряли, нехотя зачерпывая ложками крупные твердоватые зерна. Тем временем деды налегали на любимую всеми жареную рыбу, оставив черпакам по небольшому хвостик. Молодым от рыбы не досталось ничего. Зато шей да каши у них было вдоволь.

- Козелков! - окликнул Пашку на выходе старшина. - Как перекурите, веди взвод на территорию. Пока офицеры с обеда подойдут, пусть машины дряят. Ротный велел, чтоб блестели, как у кота яйца, - тут прапорщик почти по-дружески показал свои подернутые чернотой зубы, и Пашке из вежливости к начальству тоже пришлось улыбнуться в ответ.

- А ты потом вернешься, зайдешь в холодную каптерку, и выберешь там косу поострее. Капитан сказал, надо будет траву возле боксов с техникой скосить, уже в пояс повымахала... И еще, - старшина вдруг сделал шаг вперед и, подняв руку на уровень Пашкиной груди, двумя растопыренными пальцами взялся за металлическую пуговицу с выпуклой звездой, притягивая его к себе, - пока офицеров нет,хватишь мне оттуда набор ключей. Твой кореш Дятел где-то в соседней роте спер и в машине заныкал. Спросишь у него, он покажет.

Прапорщик снова оскалил в усмешке черные гнилью зубы, наверное, уже предвкушая, как толкнет в военном городке полный комплект автомобильных гаечных ключей не меньше чем за две бутылки водки.

Козелков был перед старшиной в незримом и необсуждаемом между ними, но, конечно же, памятном для обоих долгу. Весной, на полевой выходе,

молодой из Пашкиного отделения, рядовой Толик Дудкин, припаханный дедами помыть после обеда котелки, умудрился оставить у ручья свой автомат, и никому об этом не сказал, видно, побоялся. Тут же вдруг приехал командир полка, скомандовали построение и: "Оружие к осмотру!"

Аккуратно прислоненный к березке "калашников" сразу же нашли, но Пашке вместе с Толиком все-таки объявили по трое суток ареста.

Когда командирский "УАЗик", неторопливо переваливаясь своим небольшим, но по-военному подтянутым и стройным телом на ухабах жестоко избитой тяжелыми колесами и гусеницами грунтовой дороги, скрылся в поднятой ветром пыльной метели, Козелков, махнув Толику, чтобы шел за ним, зашагал к лесу. Чувствуя, как напрягаются от гнева все его мышцы, будто он несет что-то неподъемное, Пашка, свернув с тропинки, машинальными, почти неосознанными движениями легко переступал через сгнившие до влажной, обросшей мохом черноты стволы давно поваленных деревьев, забираясь поглубже.

Дудкин неуклюже продирался следом, то и дело спотыкаясь обо все, что только попадалось под ноги, сапожищами сорок седьмого размера. Козелков помнил, как Толику, когда новый весенний призыв привезли в часть, сперва не смогли предложить ничего, кроме сорок пятого. (Старшина потом несколько раз только из-за этого ездил на гарнизонные склады, возил

кладовщикам спирт и сало.# И Дудкин почти месяц колченогим инвалидом замыкал своей двухметровой фигурой бодро марширующий строй молодых солдат, измученный больно стискиваемыми ногами узкими сапогами. С тех пор и закрепилось на лице у рядового Дудкина выражение скорбного тупого недоумения перед трудностями армейской службы.

Выйдя на полянку, Пашка, тяжело дыша, словно выскочил из жаркой парилки, обернулся и, понимая, что нужно сказать хоть какие-нибудь слова, неродным ему голосом выдавил из себя:

- Ну, Дудкин?! А? Отвечай, когда тебя спрашивают!

- А чё такое? - голос Толика звучал не нагло, даже растерянно, но у Козелкова от этого "чё" полыхнуло в мозгу как от разрыва гранаты, и он на минуту от злости перестал видеть. Однако, даже не глядя, Пашка удивительно точно заехал Дудкину по скулам почти идеальной боксерской "двоечкой": сначала с левой и, вдогонку, с правой руки. Толик упал, будто сбитый с ног взрывной волной. Охваченный радостным и жестоким чувством осознания своей силы и власти, Козелков заорал: "Вста-а-ть!" И пнул рядового ногой.

- Эй, Козелков, кончайте тут! Отставить! - голос старшины донесся до Пашки словно из космоса. Прапорщик, наверное, заметил их издали и пошел следом, понимая, насколько близок сейчас взбешенный сержант к отправке в дисбат^б.

- Отставить! - еще раз выкрикнул он и наклонился над Дудкиным, помогая ему встать. Убедившись в том, что лицо у Толика не разбито, - лишь на щеках отпечатались от ударов два красных пятна, - старшина уже совсем спокойно скомандовал:

- Шагом марш отсюда!

И больше никогда и никому об этом не говорил.

* * *

Отдав старшине принесенный с технической территории комплект ключей, Пашка решил, что еще успеет сбежать обменять уже прочитанную книжку на новую. Библиотекарша Лариса Викторовна, жена заместителя командира полка по политической части Галицкого, относилась к Козелкову с симпатией, часто возникающей между людьми, одинаково любящими настоящую, умную литературу, написанную живыми, искрящимися как дорогие самоцветы словами. К тому же Пашка часто приходил сюда со своими солдатами наводить чистоту - библиотека была закреплена за их первой ротой.

Все подоконники и стеллажи с книгами стараниями Ларисы Викторовны совсем домашнему были щедро уставлены зеленью комнатных цветов. Мохнатые большешлапые бегонии, усеянные злыми колючками шары кактусов, длинные побеги мелкокудрявых блехнумов и пушистых араукарий навевали мысли о непроходимых джунглях и необъятных прериях из прочитанных в детстве захлёб романов Жюль Верна и Майн Рида. Миниатюрные китайские розочки по-молодому ярко радовались переливавшимся на их желтых и красных лепестках солнечным лучам. А из темного угла у самых дверей сурово наблюдал за этим сумасшествием красок и оттенков громадный фикус с широкими, словно старинные генеральские эполеты, темно-изумрудными листьями, посаженный, за неимением подходящего по размеру цветочного горшка, в обыкновенное оцинкованное ведро.

Еще более домашней была сама Лариса Викторовна, белокожая, налитая приятной глазу, не слишком расплывшейся полнотой. Ее длинные русые волосы собирались сзади в сложную, плотно удерживаемую шпильками прическу, открывая круглое миловидное лицо с веселыми и ласковыми карими глазами. Поудобнее устроившись в мягком кресле, она вязала толстый шерстяной носок, судя по размеру, для мужа, - чтобы ноги подполковника Галицкого поменьше мерзли зимой на строевом плацу и на открытых всем ветрам просторах тренировочного полигона.

- Здравствуй, здравствуй, Козелков! - улыбочиво встретила библиотекаря Пашку. - Давненько не заходил ко мне.

- Здравствуйте! Так вы же знаете, проверка была, из самой Москвы, - Пашка показал глазами на потолок. - Мы в поле выезжали, два дня только как вернулись.

- А я тут тебе книжку интересную нашла. Берегу, никому не показываю.

Лариса Викторовна неторопливо поднялась, изогнув спину ленивым гибким движением, и надолго ушла куда-то за самые дальние стеллажи. А Козелков стал рассматривать висящую напротив него стенгазету, броско сиявшую свежей красной краской заголовка "Полковые учения прошли на "отлично!" Под передовой статьей стояла подпись замполита. Пашка быстро пробежался глазами по привычным, шаблонным сочетаниям слов: "расчеты работали слаженно, перекрывая нормативы", "товарищеская взаимовыручка и солдатская смекалка позволили им выйти на первое место"... И, зевнув от скуки так, что больно отдалось в слегка припухшие от ночевки на сырой земле гланды, равнодушно подумал:

"На первое место вышли, а "Урал" чуть-чуть в болоте не утопили!"

Козелков вспомнил, как на его глазах тяжеленная спецмашина с высоким, скошенным кверху кунгом⁷, водителем которой был молодой из второй роты, вдруг завалилась из стороны в сторону, сползая с дороги к топкой трясине, а потом встала, будто скованная вечной мерзлотой, завязнув в грязи всеми тремя парами колес. Намертво засевшую громадную махину тащили сперва другим "Уралом", потом "КамАЗом", потом "КрАЗом", порвали два стальных троса, но ничего не добились. В конце концов выпросили в соседней части танк.

Сидевший за рулем молодой получил от командира взвода два наряда вне очереди. А вечером, в каютке, по зубам от дедов, - чтоб не портил показатели в боевой и политической подготовке.

Лариса Викторовна наконец вернулась, держа обеими руками сильно потрепанную книгу, украшенную рисунком выдыхавшего огонь дракона и маленького человечка с босыми волосатыми ногами. Называлась она "Хоббит, или Туда и обратно".

Пашка недоверчиво перелистал несколько страниц, не зная, улыбнуться ли ему, показывая, что эту шутку он оценил, либо обидеться всерьез. Глядя на него, библиотекаря, насмешливо выпятив слегка подкрашенный помадой розовый бутон своих пухлых губ, сказала снисходительно, но строго, копируя голос ее мужа:

- Так, Козелков, команды шмыгать носом и закатывать глаза не было!

И тут же добавила совсем другим, мягким как шерсть тоном:

- Паш, я тебе когда-нибудь туфту подсовывала? Это написано не совсем для детей. Прочитаешь, и сам поймешь... Только, знаешь что... - Лариса Викторовна, разыскивая подходящие слова, обежала глазами комнату, наткнулась взглядом на сверкающую алым стенгазету, и поспешно отвела его в сторону. - Ты никому книжку не показывай, пожалуйста. Видишь ли, ее автор... он не запрещенный, нет, но, как бы тебе сказать... в общем, лучше, чтоб о ней никто не знал, хорошо?

Козелков медленно нагнул голову, демонстрируя понимание и обещание молчать, попрощался, взял "Хоббита" под мышку и, стараясь не цокать по полу металлическими подковками сапог, вышел.

К зданию библиотеки примыкала выкрашенная в странный красновато-желтый цвет одноэтажная казарма хозроты, состоящей из поваров, штабных писарей, слесарей-ремонтников, заправщиков, водителей продуктовых и прочих нестроевых машин. Дальше, за забором из бетонных плит с рядами колючей проволоки на самом верху, была уже другая воинская часть - стройбат. Прямо перед Пашкой - выметенный до немыслимой чистоты строевой плац, обсаженный со всех сторон голубыми елями с красивыми пушистыми сине-зелеными веточками. За ним - высокие белокирпичные казармы Пашкиного полка, а справа - классы для занятий и

казарма учебной роты. Здесь, в сержантской школе, Козелков провел свои первые армейские полгода, здесь же, после выпуска, получил на погоны по три желтых лычки.

Еще правее был спортгородок с полосой препятствий, с длинными рядами турников и параллельных брусьев, а совсем далеко, за лесом - тренировочный полигон и, рядом с ним, соседи-танкисты.

Слева от Пашки, дугой вытягиваясь мимо штаба, шла дорога, ведущая через КПП-1⁸ в военный городок, где жили офицеры и их семьи. Солдатский клуб, медсанчасть, баня, прачечная, магазин, торговавший сапожными щетками, ваксой, одеколоном "Шипр", подворотничками, нитками, иголками, чайная, предлагавшая закрутившим от перловки желудкам солдат Советской Армии молоко, лимонад, пирожные и пряники, довершали замкнутое в бетон и "колючку" однообразное существование, начавшееся для Пашки четырнадцать месяцев назад.

А за плацом и за полковыми казармами с пристроенными к ним холодными каптерками или, проще говоря, дощатыми сараями, в которых хранились лопаты, скребки для уборки снега и прочий хозяйственный инструмент, начиналась дорога на техтерриторию, где в громадных кирпичных боксах с тяжелыми металлическими воротами стояла уже отмытая после учений от пыли и грязи, вновь вернувшая себе суровый темно-зеленый защитный цвет боевая техника.

Хотя выстроенный вокруг части неприступный для чужих глаз забор охватывал своими белыми бетонными крыльями и техническую территорию, она была огорожена еще и двумя рядами столбов с колючей проволокой, между которыми по отведенным только для них дорожкам ходили часовые, яростно отмахиваясь от мух и комаров. А за часовыми вдоль всего периметра тянулись узкие полоски лесопосадок для дополнительной маскировки.

Поэтому пройти сюда можно было только через КПП-2, где сидели, проверяя пропуска, женщины-военнослужащие. Сегодня здесь дежурили прапорщик Людмила Николаева и младший сержант Светлана Рубцова, яркая как вспышка молнии красивая блондинка с остро заточенным маленьким дерзким подбородком, молочно-бледным, плохо поддающимся загару лицом и замороженными зимним холодом глазами, не изменявшими своего всезнающего и всевидевшего усталого выражения ни тогда, когда Рубцова грустила, ни тогда, когда она радовалась.

Солнце припекало жарко, но ветер дул прохладный и влажный, грозя дождем, а то и сильным ливнем. Светлана сидела на скамейке перед КПП, прикрыв веки, легкими кивками головы отвечая на приветствия последних из спешащих на обед припоздавших офицеров. Так сытая, довольная жизнью кошка, примостившись на крылечке отдохнуть, все-таки краем глаза посматривает на суетящихся неподалеку воробьев - вдруг один из них замешкается, подойдя слишком близко, и подставит себя под ее молниеносный хищный прыжок.

- Светочка, привет! - остановился перед ней высокий, кудрявый, с симпатичной, растянутой до ушей улыбкой юный старший лейтенант. - Решила воздухом подышать?

- Ну да, - охотно отозвалась Рубцова и, потягиваясь, выставила перед собой сомкнутые пальцы рук. - Холодно же было, все дожди да дожди, соскучилась по теплышку.

- Давай погрею! - продолжал улыбаться старлей.

- У вас, кобелей, одно на уме, - нахмурила тонко выщипанные брови Светлана. - Иди уже обедать, а то все съедят, голодный останешься.

- Ух, какая! - офицер сдвинул на затылок мокрую от пота тяжелую фуражку с высоко поднятой тульей, явно сшитую где-то на заказ. - Я ж к тебе со всей душой, а ты...

- Знаю я вашу душу, - Рубцова встала, собираясь вернуться на КПП, - которая между ног болтается!

Молодой старлей, видимо, давно ждавший повода рассмеяться, раскатился радостным хохотом, ущипнул младшего сержанта за талию, получив в ответ ленивый, незлой шлепок по

руке и, шутливо-почтительно приложив ладонь к козырьку, торопливо зашагал по дороге к военному городку, в офицерскую столовую.

- Отшила голубчика? - поинтересовалась у Светы прапорщик Николаева, уже давно махнувшая рукой на свою внешность мать троих детей, следившая за бурной личной жизнью незамужней подруги со скрытым превосходством женщины с безупречным и незапятнанным семейным положением.

- Отшила, - Рубцова осторожно присела на ненадежную казенную табуретку рядом с окошечком, через которое они проверяли пропуска. - На что он мне сдался? По кустам с ним прятаться? Он меня уж в который раз в посадку зовет, цветки зверобоя собирать, - мол, полезно в чай заваривать.

- А я б сходила, - Людмила мечтательно и безнадежно прижмурила глаза. - Сашечка такой красавчик, да еще и генеральский сын... Где ж мои годы молодые!

- Верни тебе годы молодые, ты дала бы Сашечке в первый же день, и ни с чем осталась. Мы с тобой ему не ровня. Он на маршальской внучке женится, сам хвастал, что родители уже о свадьбе сговариваются.

- Ну, пока до дела дойдет, ты бы этому жениху мозги закрутила как следует. Ты ж умеешь!

- Не, не выйдет! - Света встала, собираясь снова выйти на улицу, подальше от неприятного разговора. - Его отец скорее нас обоих застрелит, чем согласится. Он уже, поди, третью генеральскую звезду на погоны примеряет, не нарадуется на новую родню. Да и Сашечке твоему от меня совсем другое надо.

Людмила усмехнулась, глядя на младшего сержанта понимающе и немного свысока.

- Ну а этот твой, который нам про политику партии рассказывает, чего тебя замуж не берет?

- Он-то как раз и рад бы взять молоденькую, да разводиться ему нельзя. Сама знаешь, какие у них там порядки. Мигом с должности вышибут.

- А ты бы за него пошла?

- Чего ж не пойти? У него и звезды немаленькие, и положение... - Рубцова с силой двинула ногою табурет. - Эх, не тревожь ты мое сердце! - сказала она протяжно, будто пропела строчку из романса.

Света подошла к двери, взялась за ручку и вдруг, всхлипнув носом, прижалась плечом к стене:

- За какого-нибудь солдата либо выскочить? За такого, знаешь, неспорченного. Чтоб меня одну любил! И уехать с ним подальше. А то здесь, в городке, уже каждая собака брешет про меня чего ни попадя.

И, выйдя, резко захлопнула за собой дверь, словно расставаясь с последними надеждами быть счастливой.

Света чувствовала себя как человек, который уверенно и беззаботно шел да шел себе по дороге, и вдруг увидел, что она оканчивается тупиком. Еще никогда своя собственная жизнь не представлялась ей такой неправильной и нескладной, будто надетая наперекосяк, застегнутая не на те пуговицы форменная рубашка.

Впрочем, Рубцова вовсе не собиралась каяться ни в том, что заводила романы с женатыми офицерами, ни в том, что кружила головы сразу нескольким поклонникам. В той невидимой войне, которую испокон веков ведут женщины за удачное замужество, у нее был свой окоп со своим сектором обстрела, и она пока не собиралась его покидать. Но ей сразу становилось больно и противно, когда Света начинала вспоминать подробности некоторых наступательных операций, - уж очень подлое и циничное оружие порой использовалось в них.

Опустив голову, она осторожно переступала на тоненьких каблукках-шпильках, спускаясь по ступенькам к выходу. И вдруг, испуганно вскинув подбородок, уперлась взглядом в подхопившего к КПП Пашку Козелкова, несущего на плече длинную косу.

- Господи! Это что, смерть моя уже пришла? - почти всерьез ужаснулась Рубцова слишком громким от волнения голосом, быстро-быстро моргая глазами, на короткое время утратившими обычное для них равнодушно-скучающее выражение.

Пашка замер, словно подорвавшийся на mine танк, залившись багрово-красным цветом, таким же, как у хранившегося в штабе знамени полка. То,

что перед ним, простым сержантом в замызганной форме и в протертой на сгибах до дыр пилотке стояла так близко, совсем рядом, самая прекрасная из считанных по пальцам служивших в части девушек и женщин, казалось ему волшебной сказкой, похожей на ту, которую ему сегодня выдала в библиотеке Лариса Викторовна.

- Хотя, на смерть ты не похож, - продолжала Света, продлевая Пашкину сказку. - Уж больно хорошенький. И реснички такие пушистые, как у девочки. Откуда ты взялся, солнце мое?

- Из первой роты второго батальона, - глупо брякнул Козелков.

- А я думала, от папы с мамой! - успокоившись, Рубцова снова стала прежней - невозмутимой и язвительной, остро жалящей мужчин приправленными жгучим перчиком кокетства насмешками. - И почему я тебя раньше не замечала?

- Не знаю, - Пашка, неожиданно решившись, даже перестал краснеть. - А я вас видел, и много раз. Вас невозможно не заметить, вы очень... очень красивая!

- Ну и ну! - Света всплеснула руками. - Ты еще и разговаривать умеешь! Да тебе же цены нет! Надо поскорее прибрать к рукам сокровище такое, пока другие не увели. Все, решено, будешь женихом моим. Будешь?

- Смеётесь, - Козелков медленно перекинул косу на другое плечо, будто та потяжелела втрое. - А я, между прочим... вы мне безумно нравитесь!

- Да кто это смеётся, солнце мое! - Рубцова держалась молодцом, хотя ее так и распирало изнутри закипавшим в груди смехом. - Я серьезно.

Тут Света подошла к Козелкову почти вплотную, так, что он сумел разглядеть тщательно замазанный тональным кремом прыщик на ее щеке. И этот прыщик вдруг внезапно, разом убедил его в том, что перед ним не видение, не призрак, а живая молодая женщина, и она, наверное, может когда-нибудь разрешить ему взять себя за руку, обнять и... тут Пашка снова покраснел.

- Ну, ты чего молчишь? - спросила Света, намеренно глубоко вздохнув, хорошо зная, как действуют на мужчин волнующие движения ее слишком пышной по сравнению с тонкой талией и маленьким ростом груди.

- Да вы... Да я для вас... что хотите... - только и смог выудить из себя мокрый от пота сержант.

- Ладно, все понятно. Приходи завтра в обеденный перерыв, поможешь мне зверобой для заварки собирать. Придешь?

Пашка лишь кивнул.

- Ну, иди, куда шел. Смотри косу от радости не потеряй. Чего косить-то собрался?

- Траву, - чуть слышно отозвался безнадежно поглупевший Козелков.

- Ясно. Так не забудь про завтра, буду ждать, - и, отвернувшись в сторону, лицом к солнышку, Рубцова взмахом руки отпустила измученного Пашку на волю.

Уже подходя к боксам своей первой роты, Пашка Козелков наконец-то смог снова увидеть дневной свет и услышать ссору цвиркающих друг на друга злыми голосами воробьев, делящих валявшийся в пыли у дороги кусок хлеба, шелест крыльев низко пронизывавших небо

стрижей, напоминавших идущие в атаку реактивные истребители, нарастающий шорох ветра, все сильнее раскачивавшего ветки деревьев в прикрывавшей техтерриторию лесополосе.

"Ну ты и лапоть! - думал Пашка, обращаясь к себе, словно к другому человеку в неосознанной попытке поскорее забыть о том, каким дураком он выглядел несколько минут назад. - Двух слов связать не мог! Правильно тебя Ритка Головова тютей дразнила. По-другому и не скажешь!"

Козелков еще не знал, что Света Рубцова давно привыкла видеть, как в разговоре с ней многие мужчины теряют способность связно произносить слова, и это ей даже нравилось. Хотя, в глубине души, она все-таки предпочитала тех, которые умели достойно и остроумно защищаться от ее колкостей.

Через настежь распахнутые ворота боксов была заметна суета молодых, готовящих ротные машины к строевому смотру: кто смоченной в солярке тряпкой натирал резину шин, чтоб блестела поярче, кто подкрашивал белой краской колесные диски, кто подметал полы самодельным веником из гибких березовых прутьев с не успевшими еще завянуть треугольными пахучими листочками.

Рядом с ближайшим к Козелкову торцом бокса, на густо заросшей травой лужайке, будто на мягком матрасе, на боку, подперев голову рукой, лежал Тимоха, рядовой Тимошин, последний в роте дембель, еще не отправленный домой, и, видно, как всегда, что-то веселое травил собравшимся вокруг него черпакам - гогот стоял, словно от потревоженной гусиной стаи. Никого из дедов Пашка рядом с ними не заметил, наверное, пошли покемарить на сложенных тюками вдоль задней стены маскировочных сетях.

Тимоха был небольшого роста, крепенький как молодой боровичок деревенский парень с конопушками на вздернутом кверху носу, со светлой, очень короткой шерсткой волос на крупной круглой голове и вечно растянутыми в улыбке белесыми губами.

Но Пашка хорошо знал, что за этой веселой и ласковой ухмылочкой, прикрываясь ею, будто густой лесной порослью, таится опасный лютый зверь. И однажды Козелков его видел.

Пашку только-только перевели тогда в первую роту после учебки. Должности командиров отделений в его взводе пока еще были заняты ждущими со дня на день дембель старыми сержантами, и он, по меткому выражению любившего порядок ротного старшины, "временно болтался как г...но в проруби". Поэтому, когда пришел их черед идти в караул, начальство долго размышляло, куда бы его деть и, наконец, определило Козелкова выводным - охранять пристроенную к караульному помещению маленькую, всего на три камеры, полковую гауптвахту.

В этот день никаких арестантов на "губе" не было, и Пашка, надрав полы и стены камер до сверкающего состояния, начал думать, чем заняться дальше. Послonyaвшись по караулке, он скоро понял, что только путается у всех под ногами, и решил завалиться поспать. Но, едва начав придремывать, был разбужен жестоким ударом обутой в кирзовый сапог ноги прямо по коленной чашечке. От страшной боли Козелков подхватился с топчана, словно с раскаленной железной плиты. Перед ним стоял Тимоха, чьи губы, сжавшись в щелочку, от злости были совершенно белыми.

- Ты что, молодой, вконец обурел? - прошипел он с присвистом, будто закипевший от перегрева автомобильный радиатор, с которого сняли крышку. - Делать больше нечего? Пошел отсюда, сука оборзевшая! И скажи спасибо, что связываться с тобой неохота, а то бы я тебе показал, как дрыхнуть. Ты бы у меня на всю жизнь выспался!

Придерживая рукой сползавший вниз ремень со штык-ножом и подсумком с патронами, Пашка быстро захромал обратно на гауптвахту - показывать вид, что продолжает наводить там блеск. Он сразу понял, о чем говорил или, вернее, о чем недоговаривал Тимоха. Козелков знал, что не так давно полк, в который он попал, основательно потрясли насчет неуставных

взаимоотношений. Причем, конечно же, не свои, местные, а приезжие из Москвы, из Главной военной прокуратуры.

От этой тряски лычки с сержантских погон летели словно лепестки с цветущих яблонь в ветреный день. Вслед им скатилось несколько офицерских звезд, больших и малых. Десятка два дедов и черпаков, как особо злостных, отправили в дисциплинарные батальоны. Остальные разом присмирели. Поэтому Пашка, можно сказать, легко отделался.

С тех пор Тимоха больше никогда не показывал перед Козелковым свою волчью натуру. Он даже вроде бы относился к нему вполне дружелюбно. Вот и сейчас, увидев сержанта, Тимоха, выставив в улыбке желтые, прокуренные "Беломором" и "Примой" зубы (сигареты с фильтром он не признавал), громко закричал:

- Привет, гражданин начальник! Собираешься в мой колхоз сено заготовливать?

- Ну нет, больно далековато будет, - поддерживая шутку, отозвался Пашка. - И ты же сам говорил, у вас все коровы давно попередохли. Так что здесь будем траву косить. Кого бы поставить, а?

- Козелков, я не понял! - Тимоха вроде бы сердито всплеснул руками. - Ты черпачнулся, или как? Давайте сами начинайте рогом шевелить, да молодых воспитывать. А я уже человек гражданский.

- Надо Лешего припахать! - встрял Леха Дятел. Без него, быстрого глазами, узколищего, вертлявого, юркого будто водяной уж, не обходилось ни одно дело во взводе. - Я схожу, крикну его?

Леший, рядовой Самонин, по-мужичьему серьезный, молчаливый паренек с мохнатыми бровями и заросшими густым черным волосом ушами и ноздрями, - отсюда и кликуха, - Пашке нравился. Поэтому, согласно кивнув, он тут же отдал Лехе косу и тот, стараясь идти медленно и вразвалку, как полагалось уважающему себя черпаку, зашагал к боксу.

- Ну вот, - продолжил рассказывать Тимоха, жестом руки приглашая сержанта присесть рядом. - Я еще в молодых ходил. Тогда, не то что теперь, черпаки с дедами гоняли нас как котов помойных. Иной раз так в грудину наступчат, еле ноги таскаешь. Только и расслабуха, когда в воскресенье в клуб поведут, фильм глядеть. А заведывал этим делом пацан один из хозроты. Он на гражданке на киномеханика учился, вот его и сунули в солдатский клуб кино крутить. Прикидываете, какая лафа парню привалила! Ну, тут у него

мозги и съехали, сам себе, придурок, все обломал. Пришли мы однажды на фильм, рас-селись, ждем непонятно чего. Потом свистеть уж начали. А в ответ - тишина. Замполит на ушах стоит, дежурный по части - тоже. Давай они к кинокруту этому в будку стучать, а там не открывает никто. Бились, бились без толку, стали уж дверь ломать. Тут он наконец вышел, сонный, пьяный в умат. А в будке у него две девки с военного городка, тоже никакие, валяются на полу. Ну, их сразу пинком под зад, а кинокрута за шкиряк и на губу. После уже отправили его в подсобное хозяйство, свинарники чистить. Там и дослуживал.

Заржали так громко и дружно, что еле видный за лесопосадкой часовой приостановился и повернул к ним голову. У Тимохи от удовольствия веснушки сияли словно маленькие звезды.

- Да, мы в свое время весело жили, - он, наверное, мог балабонить сутки напролет. - Вот еще был случай. В той же хозроте служил тогда рядовой Чулков. Он на лошади с телегой объедки из столовой свиньям возил. В части его почти не видели, только к отбою и приходил. Так на подсобке и околачивался. А тут седьмое ноября, полк на плацу построили, оркестр играет, командир идет нас с праздником поздравлять, начальник штаба ему навстречу, рука под козырьком. И вдруг выезжает на плац рядовой Чулков верхом на кобыле своей, без седла. Подскакивает к командиру, отдает честь, сам, видно, в дупель, и такую пургу несет, что мы чуть не попадали: "Товарищ полковник, части Московского гарнизона для парада на Красной площади построены! Командующий парадом рядовой Чулков!" У командира аж трясушка началась. Рукой перед собой тычет, слюнями брызгает: "Задержать! Задержать"

его!" А Чулков кобылу поворачивает: "Врешь, гады, не возьмешь!" И как ломанется с плаца прямо через ёлки, только сучья затрещали!

От нового взрыва хохота часовой опять обернулся и на этот раз заулыбался и сам.

- А что ему было-то потом? - спросил немного погодя Пашка, потирая руюкой заболевшие от смеха скулы.

- Да ничего, - отозвался Тимоха, зевая, видно, все-таки притомился работать языком. - Десять суток ареста. Сам знаешь, у нас дальше свинарника не пошлют... Ну, ладно, хорош трепаться, идите с Дятлом дедушек будить, а то скоро ротный с обеда припрется.

С техтерритории возвращались, как положено, строем - молодые впереди, черпаки с дедами за ними. Пашка шел сбоку, то и дело козыряя попадавшимися навстречу офицерам и прапорщикам. На КПП солдат-дневальный, полусонный, с расстегнутым воротником, со свисавшей чуть не до колен бляхой ремня - эх, хороша здесь служба, лучше не бывает! - открыл им ворота.

С той стороны, где висело идущее к закату солнце, растекалась по небу, будто разлитая по листу ватмана тушь, огромная лиловая туча и ветер, совсем распоясавшись, мотал деревья из стороны в сторону, гнал по дороге пыль, завивая ее возле бордюров в крохотные смерчки, поэтому Светланы на скамейке уже не было.

Но она, видно, заметила Козелкова в окно и, выйдя на улицу, громко окликнула:

- Эй, сержант, постой минутку!

Не спеша, лениво постукивая каблучками по асфальту, Рубцова подошла к нему немислимо близко, положила Пашке руку на погон, надавила, чтобы он нагнулся, быстро чмокнула его в щеку, будто ужалила, и тут же провела по ней тыльной стороной ладони, стирая помаду.

- Пусть твои солдатики обзавидуются, - шепнула девушка, улыбаясь, как всегда, одними только губами, оставляя глаза безучастными. - Слушай, а как тебя зовут-то? Я так и не спросила.

- Пашка, то есть, Павел, - едва владея языком, ответил обалдевший от неожиданности сержант, удивляясь, что сумел вспомнить свое имя.

- А я Света.

- Очень приятно, - снова сморозил Козелков и чуть не застонал от собственной тупости.

- Ну, раз приятно, тогда наслаждайся, - хохотнула Рубцова и повернула обратно к зданию КПП. Отлично зная, что ей вслед, сворачивая набок вытянувшиеся как у страусов шеи, смотрит сейчас весь Пашкин взвод, она шла с выпрямленной словно на параде спиной, потряхивая в такт шагам подвитыми белокурыми кудряшками волос.

- Шагом марш! - скомандовал Козелков, но никто не тронулся с места, и ему пришлось повторить, уже погромче и позлее.

Несколько минут топали молча.

- Ну, Паш, ты даешь! - наконец раскрыл рот Леха Дятлов. - Везет тебе!

- Так ты ее уже оприходовал? - с необычной для него серьезностью спросил Тимоха.

- Нет еще, пока только примеряюсь, - отшутился Пашка, начиная приходить в себя.

- Тогда лучше с этим не тяни, - посоветовал Тимоха, опять-таки без тени улыбки на лице.

- А то здесь на нее много охотников.

И больше не сказал ни слова аж до самых дверей казармы. Лишь только Дятел никак не мог успокоиться.

- Когда ж ты ее зацепить успел, а? - снова пристал он к Козелкову, перемещаясь поближе к нему и ломая строй.

- Отстань, - прошипел Пашка, забегая вперед всех и готовясь приветствовать командой "Смирно!" показавшийся вдали "УАЗик" командира полка.

Леха с Пашкой считались друзьями, то есть, они честно делили между собой все самое вкусное из присланных родителями посылок, вместе ходили в свободное время в чайную, в солдатском клубе всегда садились рядом. Дятел

уважал Пашку за его непонятную для Лехи любовь к книгам, а еще за то, что он, хотя и провалился на экзаменах, но все же поступал после школы не куда-нибудь, а в университет, на исторический факультет!

Сыну колхозного комбайнера, бывшему второгоднику и двоечнику Лехе Дятлову до этого было далеко, будто до луны, из-за чего загадочный "университет" представлялся ему местом, в которое, как и в рай, допускаются только люди необыкновенные, рожденные не от мира сего. Зато, в отличие от Козелкова, в делах практических и каждодневных Леха разбирался очень хорошо. Например, при разводе на работы он, словно гончая, издав издали запах залежавшего в траве зайца, мог моментально определить, где будет полегче, и старался попасть именно туда, таща за собой и Пашку. А однажды зимой, когда они оба еще числились в молодых, Дятел сумел убедить своего друга, что старшина, пославший их в холодную каптерку за снеговыми лопатами, может подождать, и повел Козелкова в столовую, в гости к своему земляку-повару. И вот, когда они возвращались с набитыми тушенкой и белым хлебом животами, их на полдороге перехватил злой как целый батальон чертей старшина и тут же объявил обоим по наряду вне очереди.

За час до подъема роты, вместе со всем полком, подняли по тревоге, приказали получить оружие, противогазы и вещмешки и погнали куда-то в занесенную снегом даль. В казарме остался только внутренний наряд, в котором были и Пашка с Лехой. Щедро матерящимся про себя дневальным пришлось, кроме всего прочего, заправлять чужие постели, ровнять табуретки и тапочки, аккуратно вешать на спинки кроватей разбросанные в спешке полотенца.

Лишь ближе к вечеру казарма резко, разом вдруг наполнилась запахом мороза, топотом, громким звоном голосов, кашлем и сморканием. Дежурный по роте Козелков метался по оружейной комнате, принимая из сине-красных, промерзших до костей, еле гнущихся пальцев изукрашенные инеем, холодные будто куски льда автоматы. Глядя на топчущиеся перед ним заметенные до неузнаваемости фигуры в шинелях, Пашка мысленно благодарил Лехину интуицию, позволившую им провести этот день в тепле родной казармы, вдали от покрытых глубокими, до колен, сугробами полей.

В довершение ко всему, пару недель назад Дятлов, оттолкнув в сторону, спас Козелкова от летящей ему прямо в лоб бляхи солдатского ремня, намотанного другим концом на руку здорового стройбатовца. Такие сшибки между соседями случались постоянно, но эта оказалась самой страшной. Началось с того, что кучка военных строителей, пьяных в дым, наткнувшись в военном городке на идущих с почты молодых из Пашкиной роты, отняла у них посылки, вывернула карманы и, вдобавок, сбив на землю, отпинала сапогами до крови. Стерпеть такое было нельзя, и деды, посоветовавшись, ночью тихо подняли целый батальон и повели его прямо через КПП на разгром врага. Как ни странно, дело обошлось лишь выбитыми зубами, синяками да шишками, без переломов и пробитых голов, и командиры обоих воинских частей, не хотевшие еще раз встретиться с московскими гостями со щитами и мечами на петлицах, кадило раздувать не стали. Но Пашка до сих пор иногда вздрагивал, когда вспоминал, с какой дикой жутью в голосе орали, набегая друг на друга, две толпы одурманенных слитой воедино яростью молодых парней, как ужасно кричал, толкая его в плечо, Леха Дятел: "Паш, берегись!"

Оттого-то, конечно же, Лехе теперь было обидно, что Пашка умудрился втайне от него закрутить любовь с известной всему полку Светочкой Рубцовой!

* * *

Пашка со Светой шли по узкой тропинке мимо подземных хранилищ, похожих на скифские курганы в Причерноморских степях. На их выпуклых вершинах, покрытых слоями при-

возного грунта, росла трава и даже невысокие кустики и деревца, придавая им совсем мирный вид. И только лишь тяжелые металлические двери с красными звездами выдавали военное происхождение этих громадин. Недовольно взмахивая большими, будто крылья бабочки, ресницами, Рубцова рассказывала что-то о неправильно составленном графике дежурств на КПП, из-за чего у нее чуть ли не все субботы с воскресеньями летят псу под хвост, но Козелков слушал ее, почти не улавливая смысла слов, любясь холодным сине-зеленым лунным блеском красивых Светиных глаз. Он чувствовал, что в нем медленно, постепенно возникает ощущение собственной значимости, ощущение себя как высшего природного существа, способного мыслить, любить, ценить прекрасное и самому создавать его. Все это, казалось бы, давно задавленное тяжелым прессом армейской жизни, основным назначением которого было воспитание бездумного тупого подчинения, неожиданно проросло в нем, словно трава над крышами подземных хранилищ.

- Паш, идем туда, - дернула его за рукав Рубцова. - Я видела, там зверобоя полным-полно.

Незаметно повернув вверх левое запястье, она мельком взглянула на золотые, с крохотными капельками "брюликов" женские часики, что-то быстренько сообразила про себя и, свернув с тропинки, зашагала прямо по траве к окружавшей техтерриторию лесопосадке.

Они уже почти дошли до первой шеренги белокожих зеленоволосых молодых березок, когда Света вдруг увязла своим острым как стилет каблучком в размытой дождем низинке. Ойкнув, девушка растерянно взглянула на Козелкова, и он тут же одним-единственным ловким движением вскинул ее легко поддающуюся стройную фигурку на руки. Рубцова крепко обхватила его твердокаменную, загорелую до негритянской черноты шею и Пашкины губы внезапно обожгло огнем.

- Неси подальше, - переводя дыхание после долгого, с игрой языками поцелуя, прошептала Света, - где не увидит никто.

На обратном пути они почти не разговаривали. Козелков был слишком переполнен тем, что произошло между ними. А на лице Рубцовой, как обычно, не отражалось ни малейшего отблеска того, о чем она думала сейчас. Внимательно глядя себе под ноги, Света осторожно обходила встречавшиеся на пути лужи, окаймленные грязно-белым кантом взбитой водой пыли и, уже не скрываясь, то и дело посматривала на свои дорогушие, совсем не по ее зарплате, часики.

Из-за этого она не сразу заметила выходявшего из здания секретной библиотеки прямо наперерез им старшего лейтенанта Сашечку Весенина, генеральского сына.

Сашечка - так звали его все, кто был с ним близко знаком - в общем-то, особенно не заносился, на праздничных офицерских пьянках пил водку наравне с другими и никогда не обижался на тяжеловесные армейские шутки и подначки. Но сейчас его обычно добродушное, толстошеекое лицо полыхало злостью, будто охваченный пожаром лес. Не отвечая на Пашкино приветствие, Весенин, уперев руки в бока, яростно набросился на него:

- Это что за вид, сержант? Пилотка на затылке, ворот расстегнут, ремень на яйцах! - старлей, подойдя поближе, дернул вверх-вниз бляху сильно ослабленного и едва державшегося на Пашкиных бедрах солдатского ремня.

Сашечка попал в строевую часть не так давно, - раньше служил в штабе дивизии, но за какой-то залет был переведен оттуда, - и еще не знал, насколько сильно черпаки, а тем более деды отличаются от молодых, почти не имеющих права голоса и трепетавших от малейшего офицерского окрика. И потому он ужасно удивился, когда неожиданно услышал:

- Руку убери!

- Что ты сказал? - переспросил Весенин, не доверяя собственным ушам.

- Что слышал! Руку убери с ремня! - Козелков сейчас готов был отсидеть на губе хоть месяц, лишь бы не позволить унижать себя перед Светой.

- Ах ты!.. - старлей недлинно выругался и схватил Пашку за грудки.

Радостно чувствуя, как его сердце бешеным галопом гонит кровь по жилам, Козелков резким толчком отбросил Сашечкины руки назад. Весенин немного отступил, принимая удобную для удара стойку и вдруг замер на месте, наткнувшись глазами на оскаленное как у бойцового бультерьера Пашкино лицо. Он внезапно подумал, что, наверное, такие лица бывают у людей, идущих в штыковую атаку или ползущих навстречу вражескому танку с гранатой наготове. И медленно разжал кулаки.

- Ты чей, сержант? - хриплым голосом, словно успел за это время сильно простудиться, спросил офицер. - Кажется, капитана Данилина?

- Так точно, товарищ старший лейтенант! - Козелков чувствовал свою победу и уже мог позволить себе быть вежливым. - Командир первого отделения третьего взвода.

- Что ж, влип ты, воин, по самое некуда, - Сашечка изо всех сил старался держаться уверенно, но его сбивала обращенная к нему презрительная улыбка Светы Рубцовой. - Я тебе такое устрою, на всю жизнь запомнишь!

И, круто повернувшись на слишком высоких, не по уставу, каблуках ботинок, пошел прочь.

* * *

Влетев в казарму, вернувшийся с техтерритории Пашкин взвод рассыпался в лабиринтах проходов между двухярусными рядами кроватей. Захлопали дверцы тумбочек, замелькали белыми лебедиными взмахами перекинутые через плечо полотенца, радостно загоготали, перебрасываясь шутками, молодые громкие здоровые глотки, предвкушая ужин, а за ним отбой...

- Козелков! - тормознул Пашку возле входа в умывальник старшина. - Тебя ротный срочно требует. Давай бегом к нему в канцелярию!

- А что случилось, товарищ прапорщик? - настороженно дернул тот головой, комкая полотенце в руках.

- Ни хрена хорошего! - на ходу буркнул старшина и скрылся в каптерке.

Командир роты капитан Данилин напоминал Козелкову героя древних скандинавских саг, по какому-то недоразумению одетого в форму офицера Советской Армии. Двухметрового роста широкоплечий блондин, с глубоко вдавленными в череп отлитыми из серого металла глазами, он и летом и зимой ходил в фуражке, презирая даже самые лютые морозы. А однажды на стрельбище, - Пашка видел это сам, - поспорив с замполитом батальона на две бутылки коньяка, вышел на огневой рубеж, крепче уперся ногами в землю и, держа тяжелый, с деревянным прикладом "калашников" в вытянутой руке, словно пистолет, разрядил весь магазин, не потеряв даром ни одного патрона, в изображавшую вражеский пулемет мишень.

- Товарищ капитан, сержант Козелков по вашему приказанию прибыл! - доложил Пашка, стараясь не наткнуться на давящий, будто заполненный ртутью, взгляд ротного.

- Вижу, что прибыл, - отозвался капитан, легонько похлопывая ладонью по крышке стола, за которым сидел. - Ну, рассказывай, что у тебя там за кипиш со старшим лейтенантом Весениным. Бабу не поделили?

Пашка молчал.

- А ты знаешь, что тебе светит за драку с офицером? - продолжал Данилин, не отводя от Козелкова взгляда, способного, наверное, прожечь танковую броню, словно кумулятивный снаряд.

- Да какая драка, товарищ капитан! - не выдержал сержант. - Это он хотел мне в репу дать, да зас... , то есть... ну, в общем, передумал. А я его и не трогал совсем. Сказал только, чтобы руки при себе держал.

- Если бы ты к нему хоть пальцем прикоснулся, - тут похлопывавшая по столу ладонь быстро собралась в кулак размером с маленькую круглую дыньку, - я бы сам тебе морду набил.

Козелков невольно отступил на шаг назад.

- Ты пойми своей куриной головой - он офицер, ему родина звезды на погоны не просто так дала! А ты пока дерьмо собачье, и никто еще не знает, что из тебя получится! Вот попадешь в дисбат, там быстро мозги вправят.

После этих слов кулак капитана медленно, будто нехотя, разжался.

- Значит, если офицер, так все можно? - пробурчал Пашка себе под нос.

Данилин сделал вид, что не расслышал. Почесав толстым, еле гнущимся пальцем переносицу, ротный неожиданно расхохотался:

- Так говоришь, Весенин передумал тебе в репу давать? С чего бы это вдруг, а?

- Не знаю, товарищ капитан, - подыгрывая ротному, Козелков с притворным недоумением пожал плечами.

- Да, лихие у меня бойцы! - отсмеявшись, подмигнул ему Данилин. - Ладно, сержант, не тушуйся. Ничего тебе Весенин не сделает. Комполка не даст. Нашему Бате лишний шухер не нужен. А вот на губе все-таки посидишь. Надо же хоть как-нибудь Сашечку поуспокоить. А то еще отцу накапает.

Капитан придвинул к себе бланк под названием "Записка об аресте" и принялся его заполнять. Незаметно запустив глаза под неторопливо царапавшую бумагу лапищу ротного, Пашка разглядел, что в графе "на какой срок арестован" Данилин написал "трое суток" и, переступив с ноги на ногу, громко выдохнул.

- Слушай, Козелков! - приподнял взгляд капитан. - Тебя ведь положено на губу сопровождать, да тут, сам понимаешь, со строевым смотром полная запарка... Давай ты сам дойдешь, лады? Там сегодня начкаром командир нашего второго взвода, я с ним по телефону договарюсь, он тебя встретит... И еще, Паш, знаешь чего хотел спросить... - ротный сцепил руки и, оттопырив большие пальцы, быстро-быстро закрутил ими. - Ко мне друг приехал, вместе в ГСВГ⁹ служили, привез джинсы фирменные, а они малость узковаты. Главное, в поясе нормально, а штанины - ну, давят, мочи нет. Может, кто из

бойцов купит? Жалко, такая вещь пропадает!

Козелков усмехнулся.

- Да что вы, товарищ капитан! У нас в целой роте таких великанов как вы и близко нет. Но я все равно скажу пацанам, вдруг кто-нибудь для родичей захочет взять.

- Во-во, скажи, Паш, - сбросив с себя бремя явно нелегкого для него разговора, ротный разжал пальцы и откинулся на спинку стула. - Ты не думай, я лишнего не накину. Просто обидно - человек старался, аж через две границы вез...

- Конечно, обидно, - согласился сержант и привычным жестом кинул руку к пилотке. - Разрешите идти, товарищ капитан?

- Ага, двигай, - кивнул головой Данилин, не принимая предложенного ему перехода на официальный тон. - И мой тебе совет: отсидишь, подойди к Весенину, извинись перед ним. От тебя не убудет!

Сдав Лехе Дятлу на хранение часы и деньги, Пашка насовал в потайной карман сигарет, запрятал под погоны горсточку спичек и "тёрку" - отломанную от коробка серную боковинку (курить на губе не разрешали, поэтому арестанты изворачивались кто как мог), потом, дожившись старшине, повел сам себя на гауптвахту.

Небо было чистое, словно выметенное только что купленным в магазине новеньким густым венником. Лишь в самом уголке маячило набухшее синевой облако, раздумывая, превратиться ли ему в дождевую тучу, или уж остаться так.

Козелков шел, мысленно отматывая назад разговор с ротным. Ему вдруг вспомнилось, как пару месяцев назад они показывали приехавшим в полк на переподготовку офицерам новую, только недавно полученную технику. Пашкина рота помогала им проводить практиче-

ские занятия, на которых офицерам приходилось работать за рядовых, осваивая еще незнакомые операции, чтобы потом, вернувшись в свои рассеянные по всему Советскому Союзу воинские части, учить этому солдат. Командовавший расчетом сержант Козелков поначалу стеснялся, но потом пообвык и в напряженные моменты даже стал позволять себе покрикивать на самых нерасторопных. Тем более что офицеры были одеты в такие же, как и у него, скрывающие погоны черные комбинезоны, и лишь на головах носили не пилотки, а полевые, темно-зеленого цвета, фуражки.

Однажды они не уложились в норматив и проверяющий заставил повторить все с самого начала. Дело шло к обеду и Пашке, которому почему-то казалось, что сегодня на второе обязательно будет его любимое картофельное пюре, очень хотелось вовремя попасть в солдатскую столовую. Но, как обычно бывает, когда спешишь, кабели, словно нарочно, то и дело запутывались, сплетаясь между собой будто змеи в любовном экстазе, разъемы с фанатичным упорством не хотели соединяться друг с другом, а Пашкин напарник, рослый моложавый офицер, пытаясь помочь, только мешал.

В конце концов, отбросив от себя подававшую ему не тот кабель руку, доведенный до трясушки Козелков вызверился на него цепным псом:

- Куда ты, на х..., лезешь? Вот куда?

И сразу все пошло на лад.

Чуть позже, когда Пашка вместе со взводом подходил к воротам КПП-2, их догнала громко и весело хохочущая толпа тоже торопившихся на обед приезжих офицеров, среди которых Козелков увидел своего сегодняшнего напарника, уже переодевшегося в обычную повседневную форму. Офицер тот был высок, строен, образцово-показателен, словно его срисовали с плаката "Слава защитникам Родины!" и, хотя ему вряд ли исполнилось больше тридцати пяти, он, к Пашкиному ужасу, носил на плечах подполковничьи погоны.

Узнав вытянувшегося перед ним, старательно козырявшего сержанта, его бывший напарник засмеялся еще веселее и громче и на ходу бросил Козелкову:

- Ну ты, брат, суровый командир!

- Извините, товарищ подполковник... - Пашка с удовольствием провалился бы сейчас сквозь землю, и его останавливало только то, что на противоположной стороне он угодил бы прямоком в Соединенные штаты Америки, рассадник мирового империализма.

- Да ничего, бывает, - ответил приезжий офицер и, четким, годами затверженным движением поднеся распрямленную ладонь к фуражке, прошел вперед.

- А чё случилось, Паш? - тут же встрял Леха Дятел.

- Я его на х... послал, - задумчиво ответил Козелков, выпуская скопившийся в груди воздух.

- Ты?! Подполковника?! - Леха слегка присел, словно собираясь бежать стометровку. - Бреешь!

- Гадам буду, правду говорю!

Дятел пристально взглянул на серьезное как на политзанятиях Пашкино лицо и, звонко хлопнув себя по ляжкам, покатился со смеху, распулав стайку синичек, присевших отдохнуть на заборе у ворот.

И еще долго потом, когда в солдатской курилке вдруг вычерпывались до дна все разговоры, частенько кто-нибудь, загодя улыбаясь, просил Пашку: "Слышь, Козелков, будь другом, расскажи про своего посланного подполковника!"

- Хрен вы меня заставите перед этим штабным фуфлом извиняться! - неожиданно проговорил Пашка вслух, снова думая о Сашечке Весенине.

И ему сразу стало как-то легче на душе.

* * *

В кабинете полкового особиста - официального представителя КГБ СССР - и стены, и потолок были обиты звуконепроницаемым материалом, на сейфе выставлял вперед заостренную, словно кончик меча, бородку бюстик Дзержинского, а на широком письменном столе не лежало ни одной бумажки - хозяин кабинета явно не любил держать документы на виду.

Сам особист, майор Фомченко, сидел в глубине кабинета в большом, но жестком кожаном кресле и читал какую-то отпечатанную на машинке служебную инструкцию, время от времени отмечая привлекшие его внимание места ногтем указательного пальца, по-девичьи длинного и изящного.

За небольшим приставным столом, ровно друг напротив друга, помещались замполит полка подполковник Галицкий и старший лейтенант Сашечка Весенин.

- Слушай, дорогой ты мой Александр Григорьич, - опираясь на вдавленные в темную полировку локти и вздернув, будто в атаке, голову вверх, говорил замполит, - я понимаю, здесь ты долго не удержишься, тебе вот-вот прямой путь обратно в штаб дивизии, а то и округа! Но ты и нас пойми - нам честь полка дороже собственной. Москве только повод дай - опять головы полетят! Батя и в прошлый раз едва-едва на своем месте усидел, а будет новая проверка - точно снимут. А что он тебе плохого сделал? Служба у тебя - не бей лежачего, квартиру дали, "жигуль" твой солдатики из ОРМ¹⁰ бесплатно ремонтируют. Сказка, а не жизнь!

- Да я все понимаю, товарищ подполковник! - сморщившись, словно после рюмки водки, прервал Галицкого старший лейтенант. - И командира полка я подвести не хочу. Но разве это дело, когда сержант на офицера с кулаками бросается? Так мы хрен знает до чего дойдем!

- Насколько мне удалось выяснить, - не поднимая глаз от документа, негромко, но отчетливо произнося каждую букву, сказал Фомченко, - потасовку начал ты, Александр Григорьевич. А Козелков лишь защищался. Так что формально он ни в чем не виноват, и для отправки его в дисбат, как ты требуешь, у военной прокуратуры, думаю, оснований не найдется. А вот шум, действительно, может получиться большой и никому из нас не нужный.

- А я что говорю! - мгновенно подхватил обрадованный поддержкой замполит. - Смири гордыню, старший лейтенант, не подводи полк под монастырь, как офицер офицера тебя прошу! А сержанта мы, когда на губе отсидит, еще и по партийной линии проберем до печенок, я тебе обещаю... Скоро ты от нас уедешь, - тут голос Галицкого сделался похожим на голос врача, приехавшего на вызов к больному ребенку, - и забудешь это все, будто ничего и не было. И поб...шку эту забудешь.

- Рад бы, но не могу! - Весенин тяжело, как на поминках, вздохнул и откинулся на спинку стула. - Она так посмотрела на меня тогда, вы бы видели! Словно на мешок с г...м. Мне до сих пор ее глаза покоя не дают! Я ведь думал раньше просто побаловаться с нею, да и бросить. А теперь вот сам не свой хожу. Даже замуж ее звал. А она только смеется да фыркает!

- Ты, Александр Григорьич, не дури! - посоветовал ему подполковник, покашливая в кулак странным, как бы выдавленным из себя кашлем. - У тебя такое будущее - шутка ли, маршальская внучка! Со временем в больших звездах ходить будешь. А эту твою Рубцову, у любого в военном городке спроси, здесь только ленивый не трахал!

Опустив голову вниз, Галицкий не заметил, как особист, вдруг оторвавшись от своей инструкции, бросил на него мгновенный удивленный взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.